

Эткинд А. Железный август, или память двойного назначения // Новое лит. обозрение. 2012. № 116.

Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М. : Новое лит. обозрение, 2016.

Шихардин Н. В. «Май–1968». Философские истоки и ориентиры. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2019.

Alderman D. H., Dwyer O. D. A Primer on the Geography of Memory: The Site and Situation of Commemorative Landscapes // Commemorative Landscapes of North Carolina. Documenting the American South. University Library, The University of North Carolina at Chapel Hill. 2014. URL: https://docsouth.unc.edu/comm/land/features/essays/alderman_two/ (дата обращения: 16.11.2021).

Gavrilova S. A. The Production of Urban Identities in the Memorial Complexes of Murmansk and Rostov-on-Don. Urban Studies and Practices. 2019. Vol. 4. No 1. P. 77–87.

Gundaker G. At home on the other side: African American burials as commemorative landscapes // Places of Commemoration: Search for Identity and Landscape Design / ed. J. Wolschke-Bulmahn. Washington : Harvard Univ. Press, 2001. P. 25–54.

Kaiser R., Nikiforova E. Borderland spaces of identification and dis/location: multiscalar narratives and enactments of Seto identity and place in the Estonian/Russian borderlands // Ethnic and Racial Studies. 2006. No. 25. P. 928–958.

Massey D. Space, Place and Gender. Cambridge, England : Polity Press, 1994.

Massey D. For space. London : Sage, 2005.

Rose-Redwood R., Alderman D. H., Azaryahu M. (eds.) The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Place. London and New York : Routledge, 2017.

Schramm K. Introduction: Landscapes of Violence: Memory and Sacred Space // History and Memory. 2011. 23(1). P. 5–22.

Tuan Y.-F. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press ; London : Edward Arnold's, 1977.

Tuan Y.-F. Space and Place: Humanistic Perspective // Gale S., Olsson G. (eds) Philosophy in Geography. Theory and Decision Library (An International Series in the Philosophy and Methodology of the Social and Behavioral Sciences). Vol 20. Dordrecht : Springer, 1979. P. 387–427.

Znaniński F. Miasto w świadomości jego obywateli. Z badań Polskiego Instytutu Socjologicznego nad miastem Poznaniem. Poznań : Wydawnictwo Polskiego Instytutu Socjologicznego, 1931.

УДК 316.752+711.435

Е. В. Прямикова
Уральский государственный
педагогический университет
Уральский федеральный университет

ПАМЯТЬ В МАЛОМ ГОРОДЕ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛЯРНЫХ КЕЙСОВ¹

Память в каждом городе отличается уникальным содержанием, определяющимся историей конкретного места. Исследования памя-

¹ Тема поддержана грантом РНФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культуры памяти (историко-социологический анализ)».

ty dzisiaj wstrębowane, nasz bieżący projekt, poświęcony muzeom, kontynuuje tematykę poprzednich badań małych miast ogólnie i społecznej pamięci, w szczególności. W swoich badaniach my operujemy danymi, otrzymanymi z pomocą kompleksu empirycznych metod: obserwacje, wywiady, mentalne mapy i pr. Jednym z rezultatów było ujawnienie zjawiska «nieudobnego» przeszłości. Tematyka represji wspomniana dość rzadko i mało głośno, szczególnie na tle heroicznych zwycięstw w Wielkiej Ojczyźnianej wojnie i pracowniczych osiągnięć industrializacji połowy XX w.

Badanie muzeów małego miasta i wielości kultur pamięci dopiero zaczęło się. Były wykonane кейсы w dwóch miastach: Inta (Republika Komi, przybocny, północny Ural) i Kotelnich (Kirowska obwód). Wszysto zebrano 48 wywiady. My wybraliśmy te dwa miasta jako północne z punktu widzenia długości ich historii. W rezultacie tematyka pamięci pokazała różnice nie tylko w wspomnianiu wydarzeń rewolucyjnej historii, ale i w znaczeniu wkładu represjonowanych w stworzenie i rozwój miasta.

Kluczowe słowa: małe miasto, społeczna pamięć, indywidualna i zbiorcza pamięć, polityczne represje, muzea

Elena V. Prjamikowa
Uralski Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny
Uralski Uniwersytet Federalny
im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna,
Jekaterynburg

PAMIĘĆ W MAŁYM MIEŚCIE: DOŚWIADCZENIE BADAŃ PRZYPADKÓW POLARNYCH

W 2021 r. zespół autorki przeprowadził pierwszy etap badań nad projektem „Muzeum Małego Miasta: Wieloletnia Kultura Pamięci (Analiza Historyczna i Socjologiczna)” (projekt wspierany przez Rosyjską Fundację Nauki nr 21-18-00418, 2021-2023) w dwóch miastach. Pierwszym jest Kotelnich z regionu Kirowa (rok powstania to 1780, ale wzmianki o tej osadzie są notowane od XII wieku). Mieszkańcy walczyli z oddziałami Chanatu Kazańskiego, wspierali wojnę chłopską Iwana Bolotnikowa. W XIX wieku Kotelnich stał się jednym z centrów handlowych północno-wschodniej części Imperium Rosyjskiego, a słynny Jarmark Aleksejewskaja znany jest od XVII wieku. W grudniu 1917 r. ustanowiono władzę radziecką, w czasie Wielkiej Wojny Ojczyźnianej mieściła się tu szkoła mechaniki lotniczej oraz kilka szpitali. Historia, opowiadana w mieście Kotelnich, doskonale wpisuje się w ramy fabularne rosyjskiej polityki pamięci. Jak w wielu innych miejscach, rzadko poruszany jest temat represji politycznych i tragicznego wkładu członków armii robotniczej. Drugie miasto to Inta, młoda miejscowość położona w Republice Komi, na północnym Urale. Kolej Peczora została zbudowana w bardzo krótkim czasie przez więźniów, z których znaczna część była represjonowana

politycznie. To właśnie w tym mieście temat represji politycznych okazał się najważniejszy, ponieważ cała historia miasta była praktycznie „pisana” bezpośrednio z udziałem więźniów politycznych. Był losem więźniów wiąże się również legenda o wznoszeniu jednej z najpiękniejszych budowli w mieście – wieży ciśnień. Szkic projektu w stylu gotyckim wykonał Artur Tamvelius. Podczas remontu szczytu wieży odnaleziono rodzaj kapsuły czasu. Zawiera ona zapiski poświadczające, że to więźniowie zbudowali wieżę. Porównanie opisów okresów historii przedwojennej, wojennej i powojennej w dziejach mieszkańców tych miast pozwala nie tylko dostrzec wpływ polityki pamięci, ale także zaznaczyć te istotne punkty, które najwyraźniej przejawiają się w obu tekstach. Na przykład wątki rozwoju terytorium, bohaterstwo, troska o miasto i jego mieszkańców, konieczność zachowania lokalnej pamięci.

Słowa kluczowe: małe miasto, pamięć społeczna, indywidualna i zbiorowa pamięć, represje polityczne, muzea

Наш опыт исследований социальной памяти в городах «старой» и «новой» индустриальности в 2018–2019 гг. очень хорошо иллюстрирует концепцию «неудобного прошлого»². Тогда в выборку входили восемь городов Уральского региона – Алапаевск, Верхняя Салда, Заречный, Серов в Свердловской области; Добрянка и Соликамск в Пермском крае; Златоуст и Сатка в Челябинской области. В этих городах мы посетили 42 музея, в ходе экскурсий и интервью тема Великой Отечественной войны и ее героев упоминалась постоянно, также довольно часто мы сталкивались с описаниями участников локальных войн последних десятилетий XX века. Тема репрессий могла упоминаться, но происходило это довольно редко (рис. 1)³.

Сотрудница музея предприятия «Соликамскбумпром» рассказывает о разных сюжетах строительства комбината, упоминает и о труде репрессированных. Тем не менее, гораздо большая часть материала посвящена трудовым достижениям комбината, героям Великой Отечественной войны. Подневольный труд тех, кто был репрессирован,

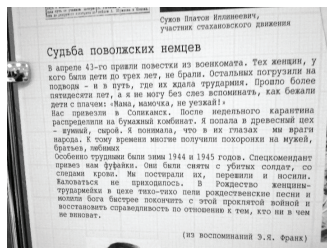

Рис. 1. Трудармейцы и их вклад в работу предприятия в военные годы – материал, размещенный на стенде музея «Соликамскбумпром» г. Соликамск.

² Проект № 18-011-00456 «Масштабирование социальной памяти в городах «старой» и «новой» индустриальности» (2018-2020) был поддержан РФФИ. Руководитель – М. Н. Вандышев, участники – Н. В. Веселкова и Е. В. Прямикова. Рассуждая о неудобном прошлом, мы используем терминологию Николая Эппле [Эппле, 2020].

³ Здесь и далее, если не указано иное, используются фотографии, сделанные автором во время полевых работ.

признается, но не становится одной из важных, значимых тем происходящего.

Такое соотношение можно объяснить позицией не только государства, использующего победу в Великой Отечественной войне как доказательство собственной силы и мощи, но и общества в целом. В г. Серов на школах установлены мемориальные таблички в память о тех, кто учился в этой школе и погиб в локальных войнах. По словам представителя сферы образования, эти парни, отдавшие свою жизнь по приказу Родины, имеют полное право называться героями. Все политические споры о необходимости или справедливости той или иной локальной войны касаются только тех, кто принимал решения, а эти парни просто выполняли свой долг.

Память о репрессиях более сложна для восприятия и гораздо менее согласована в общественном сознании: «Помнить о жертвах и страданиях вообще труднее, чем о героях и победах. Даже ставшая модельной история формирования памяти о Холокосте поначалу буждала и испытывала сопротивление со стороны – сегодня в это трудно поверить – общественного мнения и властей государства Израиль» [Эппле, 2020, с. 15].

Сотрудница школьного музея в г. Красноуфимск подчеркивает, что люди, пережившие военное время, в том числе и те, кто воевал, не любили рассказывать о нем. Они не хотели вспоминать об этом тяжелом времени и даже не носили свои награды. Только после 1965 г. стала формироваться культурная память о Великой Отечественной войне. Прошлое стало обретать символические формы в виде традиционного Парада Победы, серии монументов, задача которых была в том, чтобы навечно запечатлеть подвиг солдат и офицеров, многие из которых не вернулись домой.

По Яну Ассману, коммуникативная память имеет определенные границы, она «охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» [Ассман, 2004, с. 52]. Ассман считает, что коммуникативная память уходит вместе со своими носителями. На наш взгляд, события обсуждаются не только в рамках памяти одного поколения, но и передаются из поколения в поколение через рассказы более старших родственников более младшим. Какие воспоминания сохраняются у младших – это уже другой вопрос, но игнорировать такую передачу мы не можем.

Те, кто пережил репрессии, тоже могли не рассказывать о прошлом, но уже по другим причинам. Они часто боялись, что эта информация будет распространяться далее теми же самыми детьми

и может привести к негативным последствиям. Здесь мы можем зафиксировать значение травматичности памяти: об этом тяжелом времени не хотелось вспоминать многим, даже при том, что бывшие солдаты и офицеры победившей армии были героями, а пострадавшие от репрессий – жертвами.

В г. Ирбит Свердловской области местная жительница Лидия Ивановна Шевчук, основываясь на семейных воспоминаниях, на собственные средства установила памятник жертвам коллективизации – возле хлебокомбината, на месте бараков, где в свое время жили «раскулаченные». Несмотря на то, что существует государственная политика по увековечиванию памяти жертв политических репрессий, акценты в общественном сознании расставлены несколько иначе. Этого памятника, к сожалению, нет на карте города (рис. 2)⁴. «Концепция коллективной памяти рассматривает представления о прошлом не столько как достояние индивидов, сколько как производное от символов и нарративов, доступных в публичном пространстве, а также социальных средств их сохранения и передачи» [Малинова, 2018, с. 48]. Памятник, о котором мало кто знает, никак не отмечен в сознании людей, не подкреплен символикой значимости событий. Увековечивание памяти жертв политических репрессий разрешено законодательно, но, видимо, в общественном сознании продолжает действовать феномен «неудобного» прошлого.

В то же время, нельзя недооценивать память индивидуальную, биографическую. Память о своих родных не только подтолкнула Лидию Шевчук к созданию памятника, но и стала основой создания повести «Анна» и такого большого проекта как Книга памяти раскулаченных Свердловской области [Мищенко, 2021]. Одна из наших информанток в Инте рассказала, что тоже написала книгу о своем отце, который был репрессирован. Таким образом, потомки выступают в качестве агентов меморации, пытаются создать то самое символическое содержание, вызывающее к общественному сознанию.

Следует отметить, что уже сложился некий баланс упоминания событий дореволюционного и послереволюционного прошлого. Тематика отцов-основателей – Демидовых, Строгановых, Походяшиных нашла свое место и в рассказах экскурсоводов и всех тех, кто

Рис. 2. Памятник жертвам коллективизации. г. Ирбит.

⁴ Фотография была размещена на сайте Пенсионеры России [Маркова].

интересуется историей родного края. Сомнения в необходимости восстановления старых, разрушенных после революции храмов можно гораздо чаще услышать в таком большом городе как Екатеринбург. В малых и средних городах наличие церквей часто украшает город, и мы вместе с жителями Соликамска радовались тому, что в их городе сохранился храмовый комплекс, и переживали вместе с серовчанами по поводу разрушенного в 1931 г. красивейшего Спасо-Преображенского собора.

Один из важных выводов меморативных исследований – память топографична, она привязана к месту и подвержена интерпретациям, вызванным ситуацией в настоящем. Показателен в этом отношении г. Алапаевск, известный различными происходившими в нем событиями. Там в 1905 г. был создан первый Совет рабочих депутатов, есть памятная табличка на доме, где это произошло. В начале XVIII в. был построен Алапаевский металлургический завод, который уже не функционирует. В то же время, такое трагическое событие как смерть членов императорской семьи Романовых, фактически стало визитной карточкой города, основанием для финансирования его благоустройства. Для горожан это тоже приобретает значимость, потому что город стал местом паломничества, память о трагических событиях прошлого зафиксирована мощными агентами коммеморации, в том числе РПЦ.

Субъектность памяти скрепляет «смысл и место», в своих рассуждениях мы опираемся на теорию М. Хальбвакса, который пишет о том, что «индивиду доступны два типа памяти. <...> С одной стороны, его воспоминания вписываются в рамки его личности или его личной жизни, и даже те из них, которые он разделяет с другими, рассматриваются им лишь с той стороны, с которой они затрагивают его в его отличии от других. С другой стороны, в определенные моменты он способен вести себя просто как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу» [Хальбвакс, 2005, с. 8]. Морис Хальбвакс описывает диалектику двух видов памяти, но не утверждает приоритета ни одной из них. Он пишет, что индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы восполнить кое-какие пробелы, но она идет по собственному пути, так же, как и коллективная память развивается по собственным законам.

В своих исследованиях мы оперируем данными, полученными с помощью комплекса эмпирических методов: наблюдения, интервью, ментальных карт и пр. На первом этапе исследования музеев малого города в 2021 г. сделаны кейсы в двух городах: Инга (Республика Коми, приполярный Урал) и Котельнич (Кировская область). Было со-

брано 48 интервью в двух городах, в ходе интервью создавались ментальные карты.

Изначально мы выбрали эти два города как полярные с точки зрения длительности их истории. Поселение Инта было основано в 1932 г., после открытия здесь угольного месторождения. С 1940 г. началось промышленное освоение этого месторождения. Шахты и железную дорогу строили заключенные лагерей ГУЛАГа. Городом это поселение стало в 1954 г. Добыча угля началась в 1943 г., первый состав был отправлен в осажденный Ленинград. В советское время город процветал, там работало шесть шахт, вокруг шахт были поселки с развитой инфраструктурой. В постсоветское время сократилась, а потом и вовсе прекратилась добыча угля. Это привело к сокращению рабочих мест и оттоку жителей. Сейчас в городе проживает 23 701 чел. [Численность..., 2021]. Для сравнения, в начале 1990-х гг. в городе проживали 60 700 человек.

Город Котельнич – старейшее поселение Кировской области. Расположен в среднем течении реки Вятки. Население – 22,5 тыс. чел. [Там же]. В начале 1990-х гг. в городе проживали 38 тыс. человек. В русских летописях Котельнич впервые упомянут в 1459 г. До конца XVI в. город функционировал как пограничная крепость сначала Земли Вятской, а с 1489 г. – Московского государства. С XVII в. Котельнич – административный центр уезда, с 1929 г. – района. К 1917 г. имел пять дольных улиц (шли параллельно берегу реки Вятки) и семь поперечных, три торговые площади, собор и четыре церкви. Его территория составляла около 2 кв.км. (без лесов и с/х земель), население – 6 тыс. чел. Экономика была ориентирована на обслуживание торговли. С 1647 по 1929 г. в городе ежегодно проводилась Алексеевская ярмарка [Историческая справка...]. Сохранились старые торговые ряды, которые отмечены на карте исторических достопримечательностей города (рис. 3).

На домах старой части города указаны старые и новые названия улиц. При этом старое название выглядит даже более выразительно, нежели новое (рис. 4).

На примере такого города как Котельнич хорошо заметно как соотношение старого, дореволюционного и послереволюционного пришло в некое согласие, память о советских годах может сочетаться с воспоминаниями о купцах-меценатах и деятелях советской эпохи.

Рис. 3. Старые торговые ряды в г. Котельнич.

Рис. 4. Старое и новое название улицы на стене одного из домов г. Котельнич.

«В имперский период значительный вклад в развитие города внесли городские головы купцы первой гильдии Михаил Иванович Кардаков (1856–1859) и Андрей Прокопьевич Кардаков (1862–1869), купец второй гильдии Алексей Яковлевич Зубарев (1902–1906). Благотворительной деятельностью оставили о себе память купец С. С. Зырин и купчиха М. Ф. Самоделкина. <...> 26 мая 1926 года город был практически полностью разрушен крупнейшим пожаром. Без крыши над головой из 11 тысяч жителей остались 7 тысяч человек. Масштаб разруше-

ний поставил перед властями вопрос о дальнейшей судьбе Котельнича. Предлагалось оставить его поселком. Необходимость восстановления города доказал губернским и республиканским властям председатель Котельничского уездного исполнительного комитета (1925–1929) Владимир Григорьевич Вансеев. Его поддержал и внес большой вклад в восстановление города секретарь укома ВКП (б) (1925–1927) Азарий Иванович Мышкин» [Историческая справка...].

Здесь мы выходим на крайне интересную тему – кто и что сделал для города. Для более позднего, уже советского периода, интересна история города Инты, где тема репрессий является крайне актуальной, поскольку деятельность таких людей, которые приехали на север вовсе не по своей воле, была не просто значимой, но и создавала, изменяла лицо города. Инта – город «с тяжелой судьбой», это чуть ли не первая фраза, которую мы слышали от наших информантов, далее шло переключение на гордость: «мы гордимся своими людьми, потому что в свое время, когда здесь был ГУЛАГ, здесь были великие умы, великие, великая интеллигенция нашей страны и вот этот вот дух, навверное, все-таки передался, и мы, в общем-то хотим и в настоящее время, даже несмотря на эту ужасную рыночную экономику, этот дух сохранить» (ИнЖ45)⁵.

Об этом же говорит сотрудница краеведческого музея, называя имена тех, кто совершил какие-то открытия. История создания города Инта – это история строительства Печорской железной дороги, это разработки угольного месторождения, способного заместить потерянный Донбасс. Одной из любимых легенд жителей г. Инта являет-

⁵ Приводятся цитаты из интервью: первые буквы обозначают название города (Ин – Инта; Кт – Котельнич), следующая – пол информанта, цифрами обозначен возраст.

ся строительство водонапорной башни. Сейчас там находится музей истории политических репрессий. Эта легенда связана с именем Артура Тамвелиуса, он отбывал срок как раз в Инте. За одну ночь, по рассказам жителей, Тамвелиус разработал новый образ башни, и теперь это одно из самых красивых мест города (рис. 5).

«Обожаю ее. Вообще не могу. Когда на нее смотрю <...> думаю, надо же... а вот люди. Вот этот вот самый Артур Густав Тамвелиус, который строитель да, там как бы в смысле облик да башни ему принадлежит. Вот я думаю, тебе чего надо, вот тебя посадили на двадцать пять лет <...> да, тебя засунули вообще ни за что сюда. Вот эти комары и этот гнус, <...> ну сезон пятьдесят третий, пятьдесят четвертый строилось зимой, вот эти вот морозы, ты в телогрейке, ты заключенный. Тебе оно надо? Какие люди были <...> люди творческие, ты просто не захотел смотреть на это убожество, которое будет стоять там? И ты понимал, что ты можешь повлиять на это каким-то образом. И вот это человек просто вот попросил ватман <...> вот за ночь нарисовал эскиз вот этого чуда» (ИнЖ49).

Рис. 5. Водонапорная башня. г. Инта. Фото с сайта old-inta.ru.

Память о репрессиях в Котельниче тоже звучала, но разница очевидна. Памятник погибшим в ходе эвакуации в Котельнич устанавливали всем городом. Он находится в таком месте, у вокзала, где все его могут увидеть. Крест, поставленный на месте захоронения репрессированных, заметить довольно сложно.

«Там у нас, кстати, Поклонный Крест. Вот здесь. Мы установили станцией [юных туристов]. Там, значит, были найдены захоронения репрессированных. В каком году [установили] – я не помню.

Интервьюер: Это вот с той стороны?

«Вот, просто сейчас бурно разрослась растительность. А когда кустов нету, то он прямо вот где-то вот здесь. Мы с батюшкой Владимиром его освящали» (КтЖ55).

«Первый памятник заключенным ГУЛАГа в Коми АССР и на территории всего СССР «Dzimtenei» («Родине») был установлен в июле

Рис. 6. Памятник Родине.
г. Инта [Инта].

1956 года, когда система ГУЛАГа еще действовала. Он сооружен руками политзаключенных-латышей перед отъездом на родину как символ памяти о всех высланных в Инту латышах. Памятник погибшим землякам установили на бывшем лагерном кладбище заключенных. <...> В памятнике запечатлен образ далекой Родины и скорбь о тех, кто ее уже никогда не увидит»⁶ (рис. 6).

Это одна из достопримечательностей города. Еще один рассказ местных жителей – монумент удалось установить под видом частного памятника в официально разрешенных размерах. В 1956 г., когда памятник был установлен, только посвященные знали об истинном значении этого события [см. подробнее: Веселкова и др., 2017]. Мобильное интервью с одним из жителей Инты снова возвращает нас к теме репрессий:

«Этот остров копали заключенные, и в основном эти заключенные были женщины. Всегда, когда <...> вдоль реки идешь, и вот эти вот каналы <...> как-то заставляют задуматься <...> не каждый смог бы вытерпеть просто-напросто вот эти вот мучения, которым подвергались именно женщины» (ИнМ30).

Рис. 7. Памятник погибшим шахтерам.
г. Инта.

Конечно, далеко не все жители так много знают об истории своего города. Мужчина, гуляющий с собакой (он проработал на шахте 36 лет), сказал, что есть в водонапорной башне какой-то музей, но какой, он не знает. Постепенное прекращение добычи угля в 1990-е гг. рассматривается как еще одна городская трагедия [Вандышев и др., 2019]. Здания бывшей поселковой инфраструктуры (например, шко-

ла) разваливаются. Один из наших информантов сообщил, что считает более важным памятник погибшим шахтерам (рис. 7):

⁶ Скульптор – Эдуардс Сидрабс в тот момент еще остававшийся в заключении. Организатор работ – бывший заключенный Адольф Пунтулис, живший в Инте на «вечном поселении» [Инта].

«Уголь доставался очень дорого, погибло очень много людей, особенно в начале строительства шахт. У меня лично погиб дядя в 1961 <...> а сейчас им построили скромный камень в честь памяти погибшим шахтерам» (ИнМ61).

Тема шахт, работы по добыче угля, неопределенного будущего города «конкурирует» с темой строительства города усилиями репрессированных. Одна из информанток подчеркивает, что существовала особая атмосфера в городе, который не только строился, но и работал в тяжелых условиях.

«Мама, когда приехала в пятьдесят шестом году сюда, она говорит, жили на поселках <...> были такие метели и такие морозы, все заматало, в метре не было [видно] человека, и вот чтоб дойти, они собирались всей улицей <...> это были шахты <...> их работало семь стабильно <...> вот она работала на «Глубокой». Они собирались поселком, потому что все работали на шахтах, буквально да, и веревку... и ходили по веревке, потому что ничего не было видно, иначе на смену не дойдешь» (ИнЖ49).

Именно в Инте мы отмечали не только большое количество памятных мест, связанных с репрессиями. Безусловно, там есть и памятники погибшим в Великой Отечественной войне, и в локальных войнах последних десятилетий XX века. Все эти места памяти образуют некое единство в представлениях наших информантов. Молодой человек, участник исследования, рассказывает и об Инте военных лет, которая была большим лагерем, и о своей бабушке, которая жила на оккупированной территории и помогала партизанам.

«И бабушка ночью, через окно вылазила, 12 лет девочке было, и по деревне шла, кто что мог в корзину скидывали пищу. И она ночью восемь километров до партизан шла через лес. <...>

[Мы] вообще находимся в ГУЛАГе, да, на старом месте <...> у нас же вообще, когда война началась, эта республика наша стала большим-большим лагерем. Сюда было много, ну, ссылалось много людей. Как политзаключенных, так и ну, всяких-разных, да, из-за рубежа, кто был, и уголовники тут были» (ИнМ29).

«Примирение» памяти возможно, все эти люди уже умерли. Молодой человек с сочувствием говорит о приезжающих из разных стран и мест, которые хотели бы найти могилы своих близких, уже в контексте семейной биографии:

«как бы по кладбищам, захоронениям, видимо в поисках своих близких. Когда есть возможность, почему бы и нет. Я бы тоже хотел найти. У меня три деда ушло на войну и не вернулись» (ИнМ29).

Два полярных кейса, Инта и Котельнич, показывают различные оттенки памяти. История города имеет значение, жизнь индивида раз-

ворачивается на фоне городских событий, на фоне конкретного места. Инта при этом – еще и популярная территория для туристов, по горам Северного Урала любят бродить приезжающие из разных мест.

Память индивидов и символические структуры, задающие социальные паттерны воспоминания прошлого [Малинова, 2018], могут сочетаться в различных вариациях. Инта показала нам возможные отклонения от политики памяти, когда «неудобное» прошлое выходит на первый план, потому что является осевым, базовым воспоминанием об истории города. Котельнич продемонстрировал практики согласия между воспоминаниями о дореволюционных и постреволюционных временах, которые мы наблюдали и в наших предшествующих исследованиях.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Малые и средние города Урала: индустриальность как судьба // Пути России. Границы политики : сб. ст. XXV Междунар. симпоз. / под ред. М. Г. Пугачевой. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С.172–187.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Молодые города: масштабы мест памяти // Социол. обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 36–65.

Инта // Коми эо республика. URL: <https://tourism.rkomi.ru/node/36> (дата обращения: 30.10.2021).

Историческая справка о городе Котельниче // Муниципальное образование городской округ город Котельнич Кировской области. URL: <https://kotelnich-omv.ru/> (дата обращения: 25.10.21).

Малинова О. Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «лихих 90-ых» // Полит. наука. 2018. № 3. С. 53–84.

Маркова Р. С. Единственный в области // Пенсионеры России. URL: <https://pensionerrossii.ru/posts/262-edinstvennyi-v-oblasti.html> (дата обращения: 30.10.21)

Мищенко С. Число имен в Книге памяти раскулаченных Свердловской области перевалило за 50 тысяч // Облгазета.ru. 24 авг. 2021 г. URL: <https://www.oblgazeta.ru/society/126817/> (дата обращения: 25.10.21).

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1> (дата обращения: 25.10.21).

Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое лит. обозрение, 2020.